

УДК: 398.87(=512.221)

Ю. В. Лиморенко

Институт филологии СО РАН

Личные песни нанайцев как источник исторической памяти¹

В статье рассматриваются личные песни, записанные у нанайцев Хабаровского края, с позиций отражения в них исторических событий и фактов, влиявших на жизнь отдельных людей и всего народа. В личных песнях нанайцы точно сообщают факты своей биографии, часто увязывая их с известными датами и историческими событиями. К наиболее значимым из них относятся участие самих авторов-исполнителей песен и их родственников в Великой Отечественной войне, их работа в тылу во время войны, а также дальние поездки и путешествия. Также встречаются рассказы о работе в совхозах и общественной деятельности. В текстах отражено двойное противопоставление: «молодость – старость» и «хорошая жизнь – плохая жизнь». Исполнители стараются как можно точнее запоминать и сообщать факты своей биографии, видя в этом ценность персонального опыта, закреплённого в песне.

Ключевые слова: нанайский фольклор, народные песни, личные песни, песни-воспоминания, историческая память.

Понятие личной песни в культурах Сибири и Дальнего Востока имеет разное содержание применительно к разным традициям. Нанайский традиционный фольклор не знает народных песен в виде устойчивых словесно-интонационных произведений, имеющих широкое распространение и исполняемых в различных вариантах. Источник нанайской песни – индивидуальное импровизационное творчество в рамках традиции. Конкретный тип такой песни описывает Ю. И. Шейкин: «Во всех сибирских музыкально-фольклорных культурах, имеющих традицию песен-импровизаций, существует разделение на спонтанные песни, создаваемые сразу по мере песенного общения со слушателем, и песни-воспоминания, являющиеся удачными личными или кем-либо исполненными произведениями» [2002, с. 273]. Именно такие песни-воспоминания являются материалом настоящего исследования. Все рассматриваемые тексты (их 33) записаны Т. Д. Булгаковой у нанайцев Хабаровского края и вошли в рукопись тома «Обрядовая поэзия и песни нанайцев», готовящегося к изданию в рамках двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

---

¹ В статье излагаются результаты исследования, проведённого в рамках проекта «Фольклор как источник исторической памяти народов Сибири» (П.2П / XII.192-2; Комплексная программа фундаментальных исследований Сибирского отделения РАН № П.2П «Интеграция и развитие» на 2016 год).

Лиморенко Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация. E-mail: limorenko.yulia@yandex.ru; тел: (383) 330-14-52.

I. Историческая память и её проявления в личных песнях. Время записи песен – 70–90-е гг. прошлого века, все исполнители в момент записи были пожилого возраста, а события, о которых они поют, отделены от момента исполнения десятками лет. Можно сказать, что ко времени записи песен эти события переработаны в индивидуальной памяти, рассмотрены со стороны, с дистанции. Здесь можно видеть работу механизма сохранения прошлого, описанного Я. Ассманом: свидетельства прошлого (представленные индивидуальной биографией) подчёркивают характерное, явное отличие этого прошлого от сегодняшнего дня [Ассман, 2004, с. 32]. Через исполнение песен-воспоминаний индивидуальная память передаётся аудитории и становится частью памяти общности (семьи, села, народа), сопоставление песен разных исполнителей рисует общую картину восприятия исторических событий.

В статье мы сознательно не касаемся вопроса о степени объективности представлений исполнителей об окружавшей их реальности. Многие песни несут следы влияния лозунгов, газетно-публицистического стиля соответствующей эпохи. Мы не ставим задачи отсеять частные представления и вычленивать из воспоминаний факты; одно то, что эти воспоминания окрашены влиянием среды, уже имеет для нас самостоятельную ценность – именно этот дух времени и есть составная часть исторической памяти.

II. Что отражают песни-воспоминания? По тематике изучаемые песни подразделяются на несколько групп. Первая из них – это *рассказы о работе в колхозе*, в артелях в советское время; к ней примыкает группа песен *о жизни до советской власти*, которая явно или неявно сравнивается с советской эпохой. Вторая самостоятельная группа – песни *о поездках в города* (чаще всего в Ленинград, а также в Москву) и учёбе там; исполнители рассказывают как о своём опыте учёбы в столице, так и об учении своих родственников. Третья группа – песни *об участии в войне, о работе в тылу* в военные годы и в тяжёлое послевоенное время. Пятая группа – песни *о жизни по советским («красным») законам*, в том числе в сравнении со «старой плохой» жизнью (до революции и установления советской власти на Дальнем Востоке).

В текстах изученных песен прослеживаются два характерных для воспоминаний противопоставления. Первое – это контраст «молодость – старость», особенно важный для пожилых людей, вспоминающих молодые годы. Второе – сравнение «хорошей жизни» и «плохой жизни»: оба временных плана – тогда и сейчас – непременно окрашены оценкой «хорошо – плохо». Какой из этих временных планов оценивается как «хороший», а какой – как «плохой», зависит от эпохи, к которой они оба отнесены. Так, для воспоминаний о жизни до революции характерно представление «раньше была плохая жизнь, а теперь стало хорошо», но вместе с тем исполнительница высказывает и сожаление, что её молодость – время, которое хотелось бы прожить радостно, – пришлось на «плохие» дореволюционные времена (текст 44² «Я состарилась»).

*...Наондэан бичини осини, эси би
гиандо-тани,
Сэгден гиандо-тани
Хоня тулэ сэбденциури!
Буэ балдипу эринду-тэни
Эрун тулэ бичини.
Нала тэсим соугэй-да,
Хайва тулэ ичэури,
туундэ тэхэдуэни тэси-дэ,
хайва тулэ ичэури!*

*...Ми-тэни сэгден гиндоани балдиха осини,
хоня тулэ сэбденциури.
хоня тулэ улэн осимчаи.
Газета-да, бичхэ-дэ чууну тулэ мутэмчэи.
Пакчи эриндуэни балдиоха,
эй-тэни-лэ оркини.*

...Если бы я была молодой, [и жила]
по сегодняшним законам,
По красным [советским] законам,
Как было бы весело!
А в те времена, когда мы росли,
В нужде жили.
На земле сажу и плачу,
Никто [меня] не видит,
У корней тальника сажу,
никто [меня] не видит!

...Если бы я жила по красным законам
[в советское время],
Как было бы мне весело,
Какой хорошей [умной] я стала бы.
Газету, письма [читать] – всё бы смогла.
В тёмные времена я родилась,
и это плохо.

(№ 44, стк. 16–24, 30–35).

² Здесь и далее номера текстов приводятся по рукописи «Обрядовая поэзия и песни нанайцев» (составитель Т. Д. Булгакова). Перевод текстов на русский язык Т. Д. Булгаковой.

Нужно заметить, что это представление о разности «старой» и «новой» жизни вовсе не преувеличено. Документы того периода, когда в Хабаровском крае среди нанайцев велось активное строительство «новой» жизни (конец 20-х – начало 30-х гг. прошлого века), показывают, что отличие между «старым» и «новым» было в самом деле разительно (см., напр.: [Путинцева, 2010]). Переход от традиционного уклада с обычаями продажи девушек в жёны, близкородственными браками, высокой детской смертностью и общими тяжёлыми условиями жизни к новому способу хозяйствования, возможности получить образование и вырастить здоровых детей должен был восприниматься как настоящий водораздел между «старым-плохим» и «новым-хорошим». Исполнительница приведённой выше песни Г. К. Гейкер родилась в 1914 г., и перемены в жизни нанайского народа происходили у неё на глазах; во время записи песни ей было 68 лет, и из впечатлений молодости к этому времени кристаллизовались самые яркие, пусть и не вполне объективные.

Как можно видеть, сложные взаимоотношения оппозиций «молодость – старость» и «хорошая жизнь – плохая жизнь» зависят от того, на какие конкретные эпохи пришлась молодость исполнительницы; если молодость совпала по времени с «хорошими» временами, воспоминания окрашены радостью, если пришлась на «плохие» времена (война, послевоенная разруха) – общий тон воспоминаний горестный.

Песня исполнительницы М. Ч. Гейкер 1917 г.р. описывает её молодость как весёлое, радостное время, когда силы и здоровье позволяли ни в чём не отставать от других:

*Гэрэн найди мэлденэти
Арайонду тутуйдуй
Чууну месава занималахам,
Хали-да эчиэ дэрэди,
Хай-да хэм боавани пулсикэмби,
Владивостокачи-да мэдендэсикэмби.*

Когда со всеми людьми соревнуйся,
Я в районе бежала,
Первые места занимала,
Никогда не отставала,
По всем землям ездила,
Во Владивосток ездила
на соревнование.
От женщин не отставала,
От мужчин не отставала,
Ведь мужчины сильные,
Я бегала.

*Эктэ гурунди-дэ эчиэ дэрэди,
Хусэ гурунди-дэ эчиэ дэрэди,
Хусэни кусуни-лэ масини-тани,
Ми тутуй бичимби.*

От женщин не отставала,
От мужчин не отставала,
Ведь мужчины сильные,
Я бегала.

*...Дэдун-кэ дэпсиндуй-кэ,
Паталан-ка паргандой-ка
Дуэнтэ довани-да дуэрэхэмби.
Дуэнтэ довани-да пулсикэмби.
Хусэдуй осюгопи хусэнэгуй,*

...Когда была любимой и беспечной,
Девушкой беззаботной,
Я по тайге шагала,
Я по тайге ходила.
С мужской работой я как мужчина
справлялась,
С женской работой я как женщина
справлялась.
Ружьём пользовалась,
белочек видела, на белочек охотилась...
(№ 17, стк. 27–36, 45–52).

Эктэдуй осюгопи эктэнэгуй.

*Миочамби харалагопи,
Хулукэмбэ ичэхэндэ хулукэмбэ
вахамби...*

Песня записана в 1985 г., когда исполнительница «перестала хорошо петь, / перестала складно петь, / состарилась» (стк. 72–74). Как можно видеть, трудности жизни, необходимость тяжело работать не омрачают воспоминаний исполнительницы о молодости.

В приводимой ниже песне молодость исполнительницы Л. Бельды, родившейся в 1920 г., пришлась на времена организации колхозов, поэтому даже трудная, тяжёлая работа не воспринимается как «плохая» жизнь, тогда как «теперь» (время записи – 1985 г.) – это жизнь пожилой женщины, в которой нет тяжёлого труда, но нет и радости (текст 69 «В колхозном поле мы работали»).

*Колхоза усимбэни
Дёчомари-да эчиэ дёчоала.
Кэпусикэвэ тариханда
Эчиэ-тэни кэсэпу.
Дудусэвэ тариханда
Эчиэ-тэни дунгуруэндэпу.*

В колхозном поле
работали без устали.
И капусту сажать
нам не надоедало,
И картошку сажать
мы не уставали.

Усимбэ-лэ уйлэхэ
Эрусингидиэни дёбоха.
Дёбохану хайду-да
эчиэ дёчоалапу.
Дёбомари балдикану.
Эси-тэни, ундэмби,
Хайва-да тамы-да ачаси очохамби.

В поле трудились,
Маясь, мы работали.
Мы работали, и нигде
[перед трудностями] не пасовали.
Мы жили, работая.
А теперь, говорю,
Ничего делать не могу, [такой] стала.
(№ 69).

Воспоминаниям о работе в колхозе посвящены и песни 65–68, собранные в рукописи тома. Рабочая жизнь не была лёгкой:

Ханина-ранина.
Соактала соугохамби,
Хэрэ-лэ, ундэмби.
Нядяхала няпихамби.

Ханина-ранина.
В польни я плакала.
Ох, говорю.
Я траву полола.
(№ 65, стк. 20 – 23).

Но для исполнителей такая жизнь и такая работа были признаками самостоятельной, взрослой жизни:

Улиэ-лэ тэридуи-кэ
тэдеку балдиоха.
Ханина ранина
ханина ранина.
Эйлэ эгэ-тэни
хоня-да дёбохамби!
Колхоза усимбэни
хоня-да уйлухэмби!

Когда я стала своим домом жить
[когда замуж вышла],
Толковая была.
Ханина ранина
Ханина ранина.
Как старшая сестра
как я работала!
На колхозном поле
как усердно я работала!
(№ 67, стк. 13 – 20).

Иногда и старость («сейчас» для исполнителя) приходится на «хорошие» времена, и тогда песня полна оптимизма, как нижеследующий пример – текст 92 «Новая жизнь».

Балана-ла балдиори
Хоня пакчи, гэ, бичи.
Хайва-да-ла саваси,
Хайва-да-ла отоливаси.
Арадио-да, гэ, нна,
Телефон-да, гэ, нна.
Хай-да мэдэвэм-дэ саваси,
Хай-да мэдэвэм-дэ долдиваси.
Эси сэгден гуандоавни,
Балдиори хоня, гэ, улэн!
Тэсимэри дэгду
Хачин мэдэвэ досолдиовори,
Хачин дяка ичэдиури
Телевизор ичэвэндивэни.
Хананинани ранина.

Раньше
Какая тёмная была [жизнь].
Ничего не знали,
Ничего не умели.
Ни радио не было,
Ни телефона не было.
Никаких новостей не знали,
Никаких новостей не слышали.
Теперь при красном законе
Как хорошо жить!
Сидя дома,
Можно услышать разные новости,
И увидеть разное [из того, что]
показывают по телевизору.
Хананинани ранина.
(№ 92, стк. 42–56).

Исполнительница Т. В. Перменко родилась в 1918 г., а песня записана от неё в 1985 г.; можно видеть, что впечатления от «новой» жизни ярче и конкретнее, чем от «старой», отделённой от момента воспоминания многим десятками лет.

Любопытный пример отличия «старой» и «новой» жизни показывает текст 100. Воспоминания исполнителя здесь содержат важную деталь – существование запретов на пение:

...Хайва-да-ла купим-дэ
Ачаси бичини.
Купим-дэ ачаси,
Дярим-да ачаси:
Папон мауга бичини.
Хони-да дяримда ачаси!

...Ни во что играть
Нельзя было.
И играть нельзя,
И петь нельзя:
Запрет был строгий.
Никак петь нельзя!
(№ 100, стк. 7–12).

Существуют многочисленные свидетельства исполнителей нанайского фольклора и знатоков традиций о том, что на пение традиционно налагались большие ограничения, в этой сфере существовала система традиционных запретов (*соромбори*). Т. Д. Булгакова во вступительной статье к рукописи тома «Обрядовая поэзия и песни нанайцев» приводит такое высказывание исполнительницы: «Нам нельзя было раньше петь, считалось, что если кто-то будет петь, у него умрут отец и мать. Поэтому мы ни петь, ничего не умеем» [Обрядовая поэзия...]. Далее в статье указывается, что речь не всегда шла о полном запрете на пение – существовали некоторые послабления. Наиболее безопасным считалось пение в одиночестве, когда никто не слышал. Традиция не одобряла долгого пения; особенно нежелательным считалось пение женщин, на песни которых собирались недобрые духи. Пение ночью было особенно опасно – духи активны по ночам. Строго регламентировалось пение в жизненно важных ситуациях (напр., на свадьбе) [Там же]. Эти и другие запреты ещё в XX в. накладывали свой отпечаток на культуру песенного исполнительства нанайцев. Поэтому отмеченная исполнительницей текста разница между «тогда» и «сейчас» показывает, что со становлением «новой жизни» было связано ослабление традиционных регламентаций, определявших жизнь нанайского общества.

Одним из признаков «новой жизни» для нанайцев была возможность повидать крупные города – Москву, Ленинград, а особенно – получить там образование. В приводимом ниже примере сестра, Л. Киле, вспоминает, как встречала брата Байлина, вернувшегося после обучения:

Эси ичэгухэ,
то-то-то-то то-то-то-то-то,
Найхин налани хахай-тани бичи,

Аугиа уала, ичэгу, айсин болконота.

Ленин поктовани нёани ичэхэ,
Сэгден говани нёани ичэ, дидю.
Училэхэни Москвадо, Лениугарадо
училэрэ...

Теперь я увидела,
то-то-то-то то-то-то-то-то,
К Найхинской земле [пароход]
приставал,
В правой руке, посмотри,
золотой блокнот.
Он увидел Ленинскую дорогу,
Красный путь он увидел и вернулся.
Учился в Москве, в Ленинграде
и выучился...

(№ 94, стк. 15–20).

Поездка родственника, близкого человека в столицу воспринимается как возможность ещё больше приобщиться к «новой жизни», прикоснуться к образованию:

Гусимби-лэ энэхэни Лениугарада
бароани.
Энэнэ туңгэкэмби,
энэнэ миавакамби.
Хэни рэнинэ.

Мой дядя уехал в Ленинград.
Ох, моя грудь,
ох, мое сердце.
Хэни рэнинэ.

...Гучкэ-лэ баоготи-тани
А буква-да алосияра
О буква-да отолидияра.
Р буква-да эргэндэясимби.

...Если встречу дядю,
букве А [он меня] научит,
и букву О я пойму,
и буквой Р заинтересуюсь.
(№ 42, стк. 4–7, 28–31).

Песня, записанная от Т. В. Перменко, выражает радость молодых людей от того, что они отправляются учиться, узнавать новое, и сами собираются стать проводниками «новой жизни»:

*Эси буэ-лэ энэдепу,
Эси буэ-лэ гулиндэпу.
Ханани ранина,
Ханинанани ранина,
Улэн бичхэвэ уйлэндэпу,
Ая бичхэвэ аугондапу.*

*Эниэнэ-лэ, агана,
Эди-дэ соңгоасу!*

*... Сэгден тэй-лэ гиамбани
Нани туй-лэ дяпагойдой,
Хони туй-лэ сорихачи,
Хони туй-лэ буйкичи!
Хананинанани ранина,
Ханинани ранина.
Эси-тэни, ундэмби,
Улэн гиамба уйлэури,
Ая гиамба аугори
Сэгден тумбэ зури!*

Теперь мы поедем,
Теперь мы отправимся.
*Ханани ранина,
Ханинанани ранина,*
Поедем хорошую письменность изучать,
Поедем добрую письменность
создавать.
Матери, братья,
Не плачьте!

... Когда нанайцы устанавливали
Этот красный закон,
Как боролись,
Как умирали!
*Хананинанани ранина,
Ханинани ранина.*
Теперь, говорю,
Нужно создать хороший закон,
Нужно установить добрый закон,
Нужно поднять красные флаги!
(№ 92, стк. 6–13, 30–39).

Ещё одна песня – это сожаление о том, что исполнительница Г. К. Гейкер сама не попала в Ленинград и не смогла там учиться. Показательно название песни – «Неудавшаяся жизнь»:

*Нучидуй балди эркивэ
Лениугарадаиади най-да мимбивэ
Лениугарада бароани тачиочигоива
гадёчихани,
Хананинана хананина.
Чадэ энэхэ осини, бичхэ-дэ оториори
бичин-гоани,
Хананинана хананина.
Хананинана хананина.
Хоня улэн бичин-гоани бичэхэвэ
отолиори,
Хананинана хананина.
Эси бими би гиан бичин осини,
хони-да тачиочиохан осини,
Хони-ла сэбдиници бимчэи!*

В то время, когда я была молодой,
люди из Ленинграда меня
В Ленинград учиться увезти хотели,
Хананинана хананина.
Если бы туда поехала, то грамоту
понимала бы,
*Хананинана хананина.
Хананинана хананина.*
Как было бы хорошо грамоту понимать,
Хананинана хананина.
Если бы были тогда такие, как сейчас,
законы, как я училась бы,
Как радостно было бы!

(№ 43, стк. 2 – 11).

Неудачей своей жизни исполнительница считает то, что, не став образованной, не смогла «смотреть в будущее», поэтому её «сейчас» (время, когда она состарилась) полно горя: «Мучаясь, я состарилась, / Мучаясь, я жила и ослабела» (№ 43, стк. 18–19).

Не только обучение в столице, но даже сама поездка в Москву воспринимается как значимое событие, запоминающееся на много лет:

*Маңбодиадива дичимби,
Москава барони дичимби.
Гэрэн гурун, бачигоапу!
Хэнэнинэнэ хэнэнинэ
Хэнэнинэнэ хэнэнинэ.
Москава-тани улэни-тэни,
Пудимэ-лэ пудэнду,
Дэдүмэ пудэнду...*

Я приехала с Амура,
Я в Москву приехала.
Разные народы, здравствуйте!
*Хэнэнинэнэ хэнэнинэ
Хэнэнинэнэ хэнэнинэ.*
Москва хороша!
Как девушка-красавица, сияй!
Как любимая [девушка], светись...
(№ 7, стк. 2–9).

Ощущение расширения границ привычного мира настолько значимо для нанайцев, что этот мотив повторяется во многих песнях. Одна из движущих сил этого процесса – русские:

*Сикун поктола-да дуэрэгуи,
Ананана-ранина.
Даи гохова, ундэмби,
Гохолои, ундэмби.
Даи дидяла би голо,
Лочала-ла гохолоори.*

Чтобы по новой дороге шагать,
Ананана-ранина,
Большим крючком, говорю,
Зацепиться, говорю,
За большой пришедший народ.
За русских нужно зацепиться.
(№ 103, стк. 1–6).

Одним из самых значимых событий в жизни многих исполнителей нанайских личных песен остаётся Великая Отечественная война. Представленные в рукописи образцы песен показывают боевой настрой добровольцев, уходящих на фронт:

*Гэрэн голоди нанай найни
Миочамба дяпаханда намчаңга,
Сэлэм апомба тэтухэпу.
Байгомбари бачиндапу.*

Со всеми народами нанайцы,
взяв привычно ружье,
мы железные каски надели.
Мы едем навстречу врагам.
(№ 84, стк. 2–5).

Другая песня адресована тем, кто остаётся в тылу:

*Дадидиади пака-пака тэвэкэ осихани.
Маңбо, сокоми ватаро!
Мамарисал дамана,
Мамарисал, мокал-мокал омолагосу!
Нава пулси-дэ намчианди,
Муэвэ пулси-дэ мучухунди.*

С запада чёрные-чёрные тучи встали.
Амур, заштормив, поднимай волны,
Старики и деды,
Женщины, туго-туго подпоясывайтесь,
Чтобы по земле ходить сноровисто,
Чтобы по воде плавать настойчиво.
(№ 85, стк. 5–10).

Песни исполнительниц, оставшихся вдовами и в одиночку работавших в тылу, передают крайнюю степень отчаяния:

*Энэнэ!
Эди уюн осини хай туй бирэ?*

Чаохала дидюхэни осини, аягоани эси.

Энэнэ!

Ох!
Если бы был жив муж, разве так
было бы?
Хорошо было бы, если б он вернулся
с войны.
Ох!

(№ 126, стк. 19–22).

*Энэнэ, эди!
Эди-дэ армияду буйкини.
Ми эди армияду буйкини фронтаду
Сорок первый годаду,
Сорок второй годаду,
Сорок третий годаду.*

Эх, мой муж!
Муж в армии погиб.
Мой муж в армии погиб, на фронте
В сорок первом году,
В сорок втором году,
В сорок третьем году.

*...Эй-лэ пурилбиэ!
Нэкуэнэ-тэни бичини поя
Сиатади хайди демусими,
Элэ валиахлахамби.*

...Эти мои дети!
Младшие были,
Ни сахара, ничего, голодая,
Достаточно натерпелась.
(№ 130, стк. 1–6, 10–13).

Характерное отличие вдовьих песен от приведённых ранее состоит в том, что «старая жизнь» (военное время, когда они остались вдовами) и «новая жизнь» для них одинаково нерадостны. С окончанием войны жизнь одиноких женщин с детьми не стала легче, но просить помощи они не хотели: «Мой муж на фронте погиб, а мне ничего нет. Мой муж погиб, ничего не надо. Ничего не хочу. До

самой смерти [так] буду жить. Никому никакого заявления не напишу, чтобы ни к кому [моё] заявление не пошло. Настанет время – умру. Не хочу! Не хочу! Такого дела я не хочу! В Троицкое в милицию заявление писать не хочу. Мы так жили, так и живём, так и будет. Так и умирать буду. Никакого заявления в колхоз мне не надо»³.

*Уйчи-дэ гэлэдэсимби,
Уйчи-дэ гэлэдэсимби!*

Ни у кого не попрошу,
Ни у кого не попрошу!
(№ 125, стк. 8–9).

Личные песни нанайцев, в которых события прошлого осмысливаются много лет спустя, служат источником исторической памяти для людей, на глазах которых совершался переход от «старой» жизни к «новой». Опыт войны и мирной жизни, дальних путешествий и учёбы, тяжёлой работы, отражённый в песнях, передаёт ощущение связи прошлого и настоящего в каждой конкретной жизни, в памяти отдельных людей и целых семей.

Список литературы

- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
Обрядовая поэзия и песни нанайцев: Рукопись / Сост. Т. Д. Булгакова.
Путинцева А. П. Дневники Красной Юрты. Хабаровск, 2010. 350 с.
Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири. Сравнит.-ист. исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.

Yu. V. Limorenko

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
limorenko.yulia@yandex.ru*

Personal songs of Nanai as the source of historical memory

The article deals with personal songs, recorded from Nanai of the Khabarovsk Territory, from the perspective of how historical events and facts that affect the lives of individuals and the whole nation are reflected in songs. In their personal songs Nanai accurately report the facts of their biography, often linking them with known dates and historical events. The most significant of these events are participation of the authors-performers of songs and their families in the Great Patriotic War, their work in the rear during the war, as well as long trips and travels. Less common are the stories of the performers about their work in state farms and their public activities. The texts reflect a double opposition: “youth – old age” and “good life – bad life”. The performers try to remember as precisely as possible and to report the facts of their biographies, seeing it as the value of personal experience enshrined in the song.

Keywords: Nanai folklore, folk songs, personal songs, songs-memories, historical memory.

References

- Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Remembrance, and Political Imagination in Early Civilization]. Moscow, 2004. 368 p.
Obryadovaya poeziya i pesni nanaytsev (rukopis') [Rutial poetry and songs of Nanaians] / Ed. T. D. Bulgakova.
Putintseva A.P. Dnevniki Krasnoy Yurty [Diaries of Krasnaya Yurta]. Khabarovsk, 2010. 350 p.
Sheykin Yu.I. Istoriya muzykal'noy kul'tury narodov Sibiri. Sravnit.-ist. Issledovanie [The history of musical culture of the peoples of Siberia. Comparative studies]. Moscow, 2002. 718 p.

³ Этим монологом исполнительница прерывает пение, потом продолжает петь.